

КОЛОНИЗАЦИОННО-ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 1920-е ГОДЫ: ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Аверьянов

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 26 марта 2019 г.

Аннотация: в статье анализируются основные направления, задачи и механизмы государственной колонизационно-переселенческой политики в Северо-Кавказском крае в 1920-е гг. Ключевое внимание уделяется этническому фактору колонизации в округах, населенных преимущественно славянским населением. Автор доказывает, что с середины 1920-х гг. начала формироваться централизованная государственная переселенческая политика, в рамках которой особое место отводилось переселенцам из числа национальных меньшинств, чья хозяйственная специализация использовалась в интересах экономического развития Северо-Кавказского края.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, колонизационно-переселенческая политика, беженцы, национальные меньшинства.

Abstract: the article analyzes the main directions, tasks and mechanisms of the state colonization and resettlement policy in the North Caucasus region in the 1920s. The key attention is paid to the ethnic factor of colonization in the districts inhabited mainly by the Slavic population. The author proves that since the mid-1920s, a centralized state resettlement policy began to be formed, within the framework of which a special place was given to immigrants from ethnic minorities, whose economic specialization was used in the interests of economic development of the North Caucasus region.

Key words: North Caucasus region, colonization and resettlement policy, refugees, national minorities.

Территория Дона и Предкавказья (Юго-Востока) в составе России исторически являлась регионом интенсивной миграции. Увеличение численности населения в значительной степени происходило за счет переселения в регион многочисленных этносоциальных групп. После революции и Гражданской войны в России иммиграционные процессы в регионе интенсифицировались. Это было связано с целым рядом факторов, в том числе хроническим малоземельем в центральных губерниях России, притоком беженцев с территории бывшей Османской империи, транзитным характером региона, через который многие беженцы переезжали в другие области страны или эмигрировали за рубеж.

Несмотря на то что основную массу переселенцев на Юго-Востоке Европейской России составляли крестьяне из центральных губерний, особое место в структуре миграции занимали «этнические» переселенцы. К середине 1920-х гг. миграция в регион приобрела значительные масштабы и бесконтрольный характер. Нередко это провоцировало рост

противоречий и конфликтов между старожилами и переселенцами, в том числе на национальной почве.

Государственные и партийные органы осознавали необходимость регулирования миграционных потоков с целью сохранения этносоциальной стабильности в регионе в контексте его хозяйственного развития. Географические рамки настоящей статьи включают в себя территории так называемых русских округов Северо-Кавказского края, не входившую в состав национальных административных образований территорию Дона (пять округов), Кубани (три округа), Черноморского, Ставропольского и Терского округов.

В современной историографии основное внимание уделяется изучению отдельных национальных общин в регионе с учетом их миграционной модели поведения [1–4]. Слабо освещенными в научной литературе остаются проблемы изучения государственной переселенческой политики в Северо-Кавказском крае. Целью настоящей статьи является выявление ключевых задач, направлений и механизмов этнического аспекта колонизационно-переселенческой политики в регионе в 1920-е гг.

В 1924 г. был создан Северо-Кавказский край, куда, помимо «горских» автономий, вошли территории Дона, Кубани, Причерноморья, Ставрополя и

части Терека, разделенные на округа и районы. Нахождение данных исторических территорий в составе единого административно-территориального образования с центром в Ростове-на-Дону позволяет утверждать о единстве подхода государственно-партийной политики в области переселения и колонизации региона.

Ключевыми факторами миграционных процессов в рассматриваемом нами регионе с начала 1920-х гг. была их разнонаправленность, высокая динамика, бесконтрольность и нерегулируемость. С определенной долей условности на данном этапе можно выделить три направления этнической миграции: въезд на территорию Северо-Кавказского края из-за рубежа (иммиграция); внутрикраевая этническая миграция; выезд за пределы края и СССР, за рубеж (эмиграция).

В рамках первого направления преобладали армянские, ассирийские и греческие беженцы с территории распавшейся Османской империи. Основная масса беженцев прибывала на территорию Кубани, а также Дона, главным образом в Шахтинский, Донской и Сальский округа. Многие из них первоначально оседали в крупных городах Северо-Кавказского края, например, в Ростове-на-Дону, Армавире, Владикавказе, Грозном, не имея возможности завести собственное хозяйство.

Второе направление миграции – внутрикраевые перемещения – также было обусловлено земельным вопросом, а именно нарастающим дефицитом земли в ходе бесконтрольной миграции в регион. Так, ставропольские туркмены, проживавшие в Ставропольском округе и ведя традиционное кочевое хозяйство, нуждавшиеся в больших массивах земли, испытывали значительные трудности из-за наплыва крестьян из центральных губерний страны. Это породило проблему массовой миграции туркмен с территории Ставрополя в Дагестан [5, л. 26]. В рамках внутрикраевой миграции следует отметить переселение из северокавказских автономий горских евреев [6, л. 2]. Как уже было указано, на Дон, Кубань и Ставрополье периодически мигрировали армянские беженцы, первоначально осевшие во Владикавказе, Грозном и других городах Северного Кавказа. Определенные внутререгионные перемещения были также характерны для греков, немцев и других этнических общин.

Третьим направлением стала эмиграция ряда этнических групп с территории края за рубеж. Основную массу выезжавших из страны составляли немцы и греки. Главной причиной эмиграции была обострившаяся земельная конкуренция. Сложившаяся ситуация негативно воспринималась со стороны Советского государства, поскольку немецкие хозяйства традиционно рассматривались как наиболее передовые и перспективные, платившие значитель-

ную долю продналога [7, л. 92]. Греки в основной массе были табаководами и производителями других технических культур [8, л. 12]. Потеря специалистов в этой сфере могла нанести значительный ущерб экономике всего края. Это создавало проблему неэквивалентной миграции, поскольку из региона уезжали наиболее квалифицированные специалисты.

Краевые власти стремились восполнить потери от эмиграции и удовлетворить потребности региона в рабочей силе. Главной задачей государственной политики в сфере миграции было придание ей контролируемого и экономически обоснованного характера. Ситуация осложнялась тем, что значительная часть этнических переселенцев не поддавалась контролю. Северо-Кавказское земельное управление (Крайзу) в 1926 г. предполагало, что «армян беженцев, разбросанных по Краю с начала империалистической войны и до сих пор не получивших земельного надела, 15 000 душ. Горских евреев, издавна проживавших на территории Края и не имевших земельных наделов или потерявших таковые в период Гражданской войны, около 10 000... Турков-туркмен и татар, проживавших в Крае с начала революции, на положении рабочих и батраков, но стремящихся вернуться к земледелию... по предварительным сведениям тюркской секции Крайкома... 10 000» [9, л. 75 об].

Установить процентное соотношение между плановыми и самовольными переселенцами не представлялось возможным, так как последние не поддавались учету. Они «просачивались в округа под видом сельскохозяйственных рабочих, устраивались на квартирах в старожильческих поселках, промышленя кустарничеством или арендуя небольшие клочки земли у малоимущих граждан» [9, л. 76].

Проблема бесконтрольной миграции решалась как на общегосударственном, так и на краевом уровне в рамках переселенческой политики. Планы по экономическому развитию региона, в том числе колонизационно-переселенческой политике, разрабатывались и координировались союзными органами.

Колонизационно-переселенческие мероприятия проводились на основе общесоюзного плана, устанавливаемого Центральным колонизационным комитетом (Цеколком) при ЦИК СССР. В разработке Положения о Цеколкоме ключевое участие принимал Госплан при участии представителей от различных союзных ведомств, например ВСНХ, ВЦСПС и других, а также союзных республик, в том числе Народных комиссариатов земледелия, здравоохранения [10, л. 6 об]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1925 г. при Центральном исполнительном комитете СССР был учрежден также Всесоюзный переселенческий комитет [там же, л. 1]. На него возлагалось общее руководство переселенческой политикой СССР.

В целом Юго-Востоку уделялась значительная роль в колонизационно-переселенческой политике. В Постановлении Совета труда и обороны отмечалось, что «задачей колонизации должно быть вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального как с точки зрения государственных, так и местных интересов населения эксплуатации богатств колонизируемых районов». Отмечалось, что необходимо «в первую очередь охватить ближайшие свободные земли Юго-Востока и Нижнего Поволжья» [там же, л. 6 об].

На Краевом уровне в 1926 г. было учреждено Северо-Кавказское районное переселенческое управление (далее – РПУ), в ведении которого был весь спектр задач, связанных с переселением и колонизацией в регионе, в том числе проведение работ по изучению состояния земельного фонда, составление планов внутрикраевого расселения, определение направлений основных потоков переселенцев и контроль над их перемещениями в крае [11, л. 7–7 об].

Управленческий аппарат РПУ размещался в Новочеркасске и первоначально имел в своем составе административно-финансовую, агроэкономическую, землемерно-техническую, мелиоративно-гидротехническую и колонизационно-переселенческую части. Последняя была прикреплена к Краевому земельному управлению (Крайзу) и размещалась в Ростове-на-Дону [12, л. 13]. Через год после своего создания структура РПУ изменилась. Деление на части было упразднено. Вся работа РПУ была разбита на соответствующие группы: устройство и обводнение фондов, переселенческо-водворенческие мероприятия, хозяйственное устройство (агропомощь и снабжение) и канцелярия [там же, л. 13 об].

Для удобства и централизации работы Переселенческого управления с мигрантами в округах выделялись специальные подрайоны. Среди них: Донской с центром в Ростове-на-Дону, Сальский (Сальск), Терский (Пятигорск), Черноморский (Новороссийск). Отельные агенты по устройству переселенцев и беженцев действовали в Шахтинском и Ставропольском округах [там же]. В каждом из них оборудовались высадочные переселенческие пункты, которые принимали приезжих, предоставляли всю необходимую информацию и в случае необходимости отправляли их далее к месту назначения. Нуждающимся оказывалась санитарная и медицинская помощь [там же, л. 7–8 об]. Вагоны подвергали дезинфекции, организовывалось купание переселенцев в банях [9, л. 2]. Так, в Донском округе центром принятия переселенцев была станция Ростовская, которая представляла собой самостоятельный транзитно-регистрационный переселенческий пункт. Другими станциями, при-

нимаемыми переселенцев в Донском округе, были станции Атаманская и Пролетарская, в Сальском округе – станции Зимовники и Куберле; в Шахтинском округе – станция Обливская [12, л. 7].

В целях централизации и обеспечения контроля над миграционными процессами власти старались направлять основной поток через Ростов-на-Дону, который являлся также информационным центром. Здесь предоставлялась вся необходимая информация о перспективах переселения так называемым ходокам – уполномоченным представителям потенциальных переселенческих групп, которые в рамках организованного переселения непосредственно на местах выявляли перспективы и возможные районы заселения. В Ростове ходоки имели право на общежитие для временного проживания и бесплатный ночлег. В одном из отчетов РПУ констатировалось, что «своей работой в этом отношении Ростовский пункт сыграл немалую роль в сокращении самовольного переселения извне Края на Северный Кавказ» [там же, л. 8 об].

Ключевым документом для переселенцев, который они получали при помощи ходоков, было Переселенческое свидетельство с индивидуальным номером, которое оформлялось Народным комиссариатом земледелия и Северо-Кавказским краевым земельным управлением [13, л. 4]. В нем указывались данные главы семьи, а также всех ее членов с учетом пола, возраста, степени родства, а также место прибытия, размер полагающегося участка земли и сроки переселения. Помимо этого в свидетельстве фиксировалось количество живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря. При наличии свидетельства переселенцы имели право на проезд к месту прибытия по так называемому переселенческому тарифу и другие льготы. В случае просрочки указанного срока переселения, зафиксированного в свидетельстве, право на занятие выделенного участка аннулировалось, и земля возвращалась в свободный фонд [там же, л. 19].

Прибывшие на новое место жительства должны были исполнить главное обязательство – «приступить к ведению хозяйства». Способ и формы ведения хозяйства они должны были согласовать с Переселенческим управлением. Переселенцы не могли считаться земельными сообществами, не могли принимать в свой состав новых членов и не имели права распоряжения землей до тех пор, пока не развивали свое хозяйство в отводимый срок (как правило, в течение 5–6 лет) [там же, л. 23].

Земли, отводившиеся под устройство переселенцев, находились в наиболее малозаселенных районах – прежде всего в Сальском, Донском (так называемая Кугоейская степь – часть Мечетинского и Кушевского районов) округах, в меньшей степени в Терском (Арзгирский район) и Черноморском округах

[11, л. 9]. Переселение поощрялось именно в Донской регион, поскольку Кубань была перенаселена и туда, как правило, устремлялся основной поток самовольных переселенцев.

К исходу первого года работы РПУ был определен масштаб свободного земельного фонда в крае – около 2 млн десятин земли, которые были разделены на 500 тыс. долей по 4 десятины на едока [там же, л. 8]. Непосредственно в Донском и Сальском округах – основных районах для переселения – выделялось 251 395,95 гектара земли: «всего – 46 199 душевых долей, или считая в среднем по 6 едоков в семье – фонд для 7534 хозяйств» [там же, л. 9].

Наиболее остро в этот момент стояла проблема самозахвата земли неучтенными переселенцами, особенно в Кугоейской степи. Так, в 1926 г. «емкостью в 23 000 душевых долей в ней было устроено 5801 душ самовольцев» [12, л. 8 об]. Обустройство «самовольных» переселенцев воспринималось в качестве важнейшей задачи. К середине 1920-х гг. был выработан алгоритм земельного устройства, в рамках которого приоритет отдавался землеустройству «туземного кочевого и оседлого населения». Вторым по очередности было «землеустройство пришлого населения, самовольно захватившего земли в колонизируемых колониях». Наконец, «заселение оставшихся свободных земель колонизируемых районов путем переселения» замыкало очередность в порядке землеустройства [13, л. 2].

Организация переселения в короткие сроки дала свои положительные результаты. В отчете РПУ за 1926–1927 гг. констатировалось, что «степень выполнения намеченных мероприятий наибольшая в тех районах, где РПУ были развернуты П/районы (подрайоны. – А. А.) водворения еще в предшествующем году (Донской и Сальский). Имея в этих округах аппарат с определенным опытом, РПУ создало там максимум условий для приживаемости переселенцев, и поэтому уход по водворении из этих районов совершенно ничтожен, по сравнению с обратным уходом, хотя бы с Кубанского округа, где естественно-природные условия для проживания несравненно лучше. Это объясняется тем, что работа по обслуживанию переселенцев в Кубанском Округе велась местными земорганами» [11, л. 14].

Наиболее многочисленную часть этнических переселенцев в указанные донские районы составляли армянские беженцы. В 1925–1926 гг. было организовано переселение 200 семей армян-беженцев в Ейский район Донского округа. Большая группа армянских переселенцев направилась в Мечетинский район Донского округа, где было основано поселение Шаумян. Часть его населения составили переселенцы из Закавказья. Им был предоставлен льготный переселенческий тариф от станции Тауз Закавказской

железной дороги до станции Атаман Северо-Кавказской железной дороги [13, л. 2]. Основная масса шаумяновцев прибыла из Грозного и других городов Северного Кавказа, где существовало Общество помощи беженцам армян Закавказья. Дополнительные льготы предоставлялись демобилизованным красноармейцам и коммунистам [14, л. 163].

Вместе с тем часть армянских переселенцев испытывала значительные трудности с ведением хозяйства. Наиболее остро стоял жилищный вопрос: многие беженцы жили в землянках; наблюдалась острая нехватка «рабочего скота и машин», не было больниц, школ [там же, л. 168]. В рамках помощи армянским переселенцам было принято решение о «немедленном отпуске кредитов на лесоматериалы и рабочий скот», «изыскать способы оказания продовольственной помощи», «урегулировать вопрос о снабжении переселенцев-армян мукой до нового урожая», «принять меры против захватчиков и самовольцев, ограждая интересы армян-переселенцев» [15, л. 189].

В ходе переселенческой политики союзные и краевые органы придерживались принципа хозяйственной специализации переселенцев. Если в Донской, Сальский, Ставропольский округа в силу хозяйственной специфики этих территорий поощрялось переселение хлеборобов и скотоводов, то в Черноморский округ – садоводов, виноградарей, табаководов. В докладной записке Наркому земледелия Смирнову от Северо-Кавказского РПУ указывалось, что в Черноморском округе «хлебопашество не играет никакой роли... нужно создать товарные хозяйства, молочное производство, табаководство» [16, л. 18].

Поскольку у русских крестьян – переселенцев из центральных губерний России (Тамбовской, Воронежской, Брянской) не было соответствующего опыта хозяйствования, целесообразным признавалось переселение в эти районы представителей народов, для которых была характерна именно эта хозяйственная специализация. Указывалось на необходимость «разрешить выход на переселение... из Подольского, Винницкого, Проскуровского, Днепропетровского округов УССР и внутрикраевых переселенцев из мест, где наиболее развито садоводство и огородничество». Отмечалось, что «...особенно желательно выпускать на переселение выходцев (беженцев) из Закавказья, осевших во время гражданской войны в УССР и РСФСР» [17, л. 56].

В силу этого в 1927 г. было запланировано переселение по Черноморскому побережью 1800 семей ассирийцев, 800 семей из которых должны были наладить табаководческие хозяйства, 900 – виноградарские, 100 – скотоводческие [там же, л. 54]. В 1928–1929 гг. проводились мероприятия по формированию контингента и переселению в Черноморский округ

выходцев из Грузинской ССР – около 5000 едоков [там же, л. 19–20].

К концу 1920-х гг. стал ощущаться нарастающий дефицит свободных земельных ресурсов. По этой причине было принято решение о необходимости прекращения переселения в Донской округ. Вместе с тем, принимая во внимание то обстоятельство, что основная масса национальных меньшинств проживала на селе, поток этнических переселенцев продолжал сохраняться, а многие из переселившихся ранее были не устроены, было принято решение об изыскании дополнительных земельных фондов для их обустройства. Президиум Северо-Кавказского краевого исполкома 20 марта 1929 г. постановил «для устройства нацмен беженцев выделить специальный фонд: а) в Шахтинском округе, Обливском районе, в Алексеевской даче сплошной массив в 35 000 га; б) в Сальском округе, в Романовском районе, Мартыновской даче 10 000 га, в Зимовниковском районе, Иловайской даче – 13 000 га» [там же, л. 52].

Особое внимание уделялось принципу компактного расселения беженцев. На совещаниях работников по переселению на Северном Кавказе в 1928 г. отмечается необходимость производить выделение земельного фонда «по возможности большими массивами в районах с соответствующими с естественно-историческими условиями для концентрации отдельных групп по национальностям в целях наиболее полного обслуживания их социально-культурных и хозяйственных потребностей на родном языке и в соответствии с их бытом и навыками» [там же, л. 23–24].

Другой важной задачей сплошного землеустройства и компактного расселения национальных меньшинств была организация контроля за ведением хозяйства. На совещании отмечалось, что «обычные методы работы по устройству переселенцев при устройстве нацменовского контингента, в значительной степени деклассировавшегося и утратившего навыки в ведении сельского хозяйства, не дали положительных результатов, считать необходимым в виде опыта в текущем году в Донском, Сальском и Терском округах, где имеются нацмены, водворенные сплошными массивами, применение методов кредитования на территорию, стремясь к максимальному сосредоточению в первое время средств в руках государства через специальный агрономический персонал, для чего прикрепить к таким массивам специальных агрономов из нацмен» [там же, л. 40].

Таким образом, в 1920-е гг. на Юго-Востоке РСФСР, с 1924 г. в Северо-Кавказском крае, прежде всего на Дону, Кубани, в Черноморском, Ставропольском округах интенсифицировались иммиграционные процессы, важнейшим аспектом которых была этни-

ческая составляющая. В середине 1920-х гг. на общесоюзном и краевом уровнях были учреждены специальные ведомства (Центральный колонизационный комитет, Всесоюзный переселенческий комитет, Северо-Кавказское районное переселенческое управление), главной задачей которых было проведение колонизационно-переселенческой политики в регионе. Специфика этнической миграции обуславливалась необходимостью обеспечения условий для удовлетворения национальными меньшинствами своих культурных и бытовых потребностей.

Разрешение проблемы неконтролируемой этнической миграции сопрягалось с перспективами социально-экономического развития Северо-Кавказского края как целостной экономической единицы; переселение в регион представителей различных этнических групп (армяне, ассирийцы, греки и др.) соотнобразовывалось с хозяйственными задачами того или иного округа или района.

В контексте переселенческой политики помимо экономических задач краевое руководство преследовало социально-политические цели – расширение социальной базы советской власти в регионе в лице беженцев и переселенцев, в социальной структуре которых преобладали бедняки и батраки.

Следует различать две группы прибывавших в регион этнических мигрантов – переселенцев и беженцев. Если прибытие переселенцев согласовывалось с государственными органами и проходило в организованном порядке, то беженцы, как правило, прибывали в регион стихийно и «самовольно». В то же время довольно часто между этими двумя категориями на практике не было принципиальной разницы, их устройством занимались одни и те же краевые ведомства, прежде всего Северо-Кавказское переселенческое управление, Краевое земельное управление (Крайзу).

К концу 1920-х гг. земельный фонд, выделенный для переселенческих нужд, практически иссяк, что вынудило краевые власти формально ограничить приток переселенцев, но на практике он сохранялся, хотя уже и не в таких масштабах, как ранее. В условиях нарастающего земельного дефицита стали складываться предпосылки к усилению государственного контроля над хозяйственной деятельностью переселенцев, подготовке и началу проведения коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Игнатова М. Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук / М. Е. Игнатова. – Краснодар, 2005. – 244 с.
2. *Акопян В. З.* Образование новых армянских поселений на Дону в 1920–1930-е годы / В. З. Акопян //

Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. – 2016. – Т. 26, вып. 4. – С. 122–128.

3. *Акопян В. З.* К вопросу о земельном устройстве горскоеврейских беженцев на юге России в 1920–1930-е гг. / В. З. Акопян // Региональный нарратив имперской провинции : современные методологические подходы и исследовательские практики : сборник научных статей. – Ставрополь, 2016. – С. 52–58.

4. *Акопян В. З.* Советская политика «натурализации» ассирийцев путем их землеустройства на юге России в 1920–1930-е гг. / В. З. Акопян // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. – 2016. – № 8. – С. 114–128.

5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 655.

Южный федеральный университет

Аверьянов А. В., кандидат исторических наук, доцент

E-mail: aver18071981@yandex.ru

6. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). – Ф. Р-1390. – Оп. 1. – Д. 1328.

7. ЦДНИРО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 751.

8. ЦДНИРО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 109.

9. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 6. – Д. 108.

10. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 5. – Д. 384.

11. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 6. – Д. 107.

12. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 5. – Д. 640.

13. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 5. – Д. 407.

14. ГАРО. – Ф. Р-1798. – Оп. 1. – Д. 941.

15. ГАРО. – Ф. Р-2563. – Оп. 1. – Д. 193.

16. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 6. – Д. 314.

17. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 6. – Д. 737.

Southern Federal University

Averyanov A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: aver18071981@yandex.ru